

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3. 5

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

САМОГОНОВАРЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И БОРЬБА С НИМИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1930 гг.) (ЧАСТЬ 1)

© А.П. Шекшеев

В данной публикации автор, освещая на материалах енисейской деревни такие социальные явления как самогонование и потребление алкоголя крестьянством, красными партизанами и коммунистами, показывает возникшие на этой почве отношения между селом и властью, пытается выявить их влияние на социально-политические события.

Ключевые слова: алкоголь, беспорядки, деревня, казенная водка, кампании, коммунисты, крестьяне, месячники, милиция, облавы, партизаны, пьянство, революция, самогонование, Советская власть, судебная ответственность, трезвость, штрафы.

Формат цитирования: Шекшеев А.П. Самогонование, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.): Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 119–134. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

MOONSHINE, ALCOHOL CONSUMPTION AND FIGHTING THEM IN THE YENISEI VILLAGE (1917–1930) (PART 1)

© A.P. Sheksheev

In this publication the author, lighting on materials of the Yenisei village is a social phenomenon as moonshine and alcohol consumption by the peasants, red partisans and Communists, the shows emerged on the basis of the relationship between the village and the government, is trying to identify its impact on the socio-political events.

Keywords: alcohol, disorder, country, state-owned vodka campaign, the Communists, the peasants, months, police, raids, the guerrillas, alcoholism, revolution, moonshine, the Soviet government, judicial responsibility, sobriety, fines

Citation format: Sheksheev A.P. Moonshine, Alcohol Consumption and Fighting Them in the Yenisei Village (1917–1930). Part 1. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 119–134. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-119-134

Заметной тенденцией в отечественной историографии стало изучение повседневной, обыденной жизни общества и рост внимания историков к «маленькому» человеку. Как известно, составной частью человеческой обыденности является потребление горячительных напитков. Издавна связь племен и народов с веселием составляла немаловажную черту их национально-исторической характеристики. Тема спиртных возлияний российским обществом в 1917–1920-е гг., его отношений на этой

почве с государством успешно освещалась в трудах историков (Литвак, 1992. С. 74–88; Павлюченков, 1997. С. 124–142; Павлюченков // Родина. 1997. С. 23–27; Звягин, 2000, С. 112–115; Валиев, 2001. С. 185; Рынков, 2002. С. 50–52; Луков, 2003. С. 79–83; Кузнецов, 2005. С. 260; Шекшеев, 2006. С. 26–30; Кузнецов, 2015. С. 340–342).

Более того, высказано мнение, что переизбыток народных эмоций, возникший при опрометчивом введении в 1914 г. «сухого» закона, в конечном итоге воплотился

в февральскую революцию (Павлюченков, 1997. С. 124).

Воцарившееся в стране на обломках российской империи Временное правительство, намереваясь продолжать германскую войну до «победного конца», законом от 27 марта 1917 г. запретило продажу населению спиртных напитков «для питьевого потребления». Между тем в сибирской глубинке крестьяне издавна пользовались самогонном, выгонка которого процветала.

По свидетельству одного из видных эсеров Е.Е. Колосова, до революции в Енисейской губернии в год на эти цели уходило до трёх миллионов пудов хлеба. Начальник губернского жандармского управления полковник Байков в обзоре за 1915 г. отмечал, что развитие винокурения приняло в некоторых уездах «чудовищные размеры». В пьянстве участвовали все, от семилетних детей до дряхлых стариков, а сбыт самогона в городах достиг «огромных» размеров.

Следствием этого явления были людские трагедии, о которых постоянно сообщала пресса. Так, 20 декабря того же года в Канском уезде, будучи в поездке, из-за злоупотребления спиртными напитками скончались крестьянский начальник с женой. 11 июня 1916 г. в одной из деревень Кужебарской волости Минусинского уезда имел место случай, когда полицейский урядник, обнаруживший самогонный аппарат в крестьянской избе, был убит её хозяином. Скрывшийся самогонщик после того как общество не приняло его сторону, был вынужден сдаться властям. Через месяц на енисейском острове у Калягинского парома были арестованы хозяева целой винокурни. Осенью того же года власти выявили очаг поставок самогона новоселовским жителям: ими оказались крестьяне таежных деревень Комской волости. С выездом на место представителей акцизного ведомства и полицейских изъятыми аппаратами были завалены все сараи и амбары. Однако население продолжало пить самогонку. На почве пьянства в Михайлов день вспыхнуло побоище комарковской молодежи, которая использовала при этом стяги и камни (Труд. 1916. 21 июня, 15 июля, 21 октября, 12 ноября; Колосов, 1923, С. 29; Красноярский рабочий. 2003. 31 декабря).

Совершившаяся революция оказала такое сильное влияние на сознание енисейских крестьян, что некоторая их часть отказалась от выпивки и начала бороться с самогонщиками. К примеру, с известием о событиях в Петрограде крестьяне таежного поселка Плахино Абанской волости Канского уезда создали самостоятельное сельское общество, избрали комитет, переименовали селение в честь А.Ф. Керенского и привели в негодность самогонные аппараты, а вырученные деньги от продажи металлических остатков передали на общественные нужды. Жители д. Ново-Курской разгромили винокурные заводы (Голос народа. 1917. 27 апреля, 4 мая). В мае жители с. Большая Уря Канского уезда, чтобы «устыдить» самогонщиков, провели двоих из них, обвешанных частями аппарата, под барабанный бой по селению. Такое наказание оказало на самогонщиков столь большое впечатление, что они прекратили свои занятия, а в дальнейшем из-за угрозы самосуда явились без конвоя в милицию, где и были задержаны. В начале июля крестьянский комитет с одобрения схода Троицко-Заозёрновской волости Канского уезда конфисковал две лошади, упряжь и тарантас торговца самогонкой – канского мещанина Чугрина – и не уступил требованиям судебных властей возратить изъятое (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 64; Октябрь в Сибири, 1987. С. 107).

Вместе с тем свободы, дарованные революцией, способствовали всплеску самогонварения и его распространению в новых местностях. Так, если ранее в с. Сухобузимо Красноярского уезда жители пользовались привозной самогонкой, то с мая 1917 г. здесь нашлись собственные «специалисты», наладившие её выгонку. Объяснялось винокурение экономической выгодой: каждый пуд хлеба при перегонке на самогон позволял крестьянину получить 30 рублей прибыли. Но последствия выгонки для определённой части деревенского населения порой оказывались негативными. Например, в д. Отрадной Большемуртинской волости того же уезда самогонку гнали три завода, хозяева которых для этой цели скупили весь хлеб. Следствием этого явились пьяное «буйство народа» и отсут-

ствие хлеба у бедноты (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 164–165).

Поэтому с уничтожением органов прежней администрации борьба с самогонварением перешла в руки революционной власти. Ещё 12 марта 1917 г. в Минусинске была создана специальная комиссия по борьбе с винокурением во главе с начальником уездной милиции, которая разработала проект постановления о запрещении в Минусинском уезде приготовления, хранения и приобретения спиртных напитков. В Ачинском уезде активно занимались ликвидацией этого явления некоторые КОБы. К примеру, уже на 21 марта 1917 г. Даурский волостной комитет уничтожил в д. Александровке – 20 и в д. Смоленке – два самогонных аппарата (Голос народа. 1917. 21 апреля).

Кое-где властям сопутствовал успех и в дальнейшем. Так, 2 августа 1917 г. в результате облавы в с. Верхний Суэтух Минусинского уезда были разбиты 22 самогонных завода. Аппараты, принадлежавшие обществу, в сентябре обнаружили в некоторых волостях Канского уезда. Пинчугский волостной совет (Енисейский уезд) за бездействие и сокрытие сельским обществом винокуров постановил применить к нему и пьяным гражданам штрафные санкции (Крестьянское движение, 1927. С. 318; Николаев, 1967. С. 108). Однако уже в сентябре того же года властям стало известно, что население Минусинского уезда помогать в борьбе с винокурением отказалось. В результате выгонка самогона в сельской местности даже возросла.

Настоящая борьба с самогонварением началась лишь с появлением у советов вооружённой силы. Только 16 декабря 1917 г. Красноярский совет создал комиссию, которая разработала план использования в антисамогонных целях формирующейся Красной гвардии и милиции. Губернский исполком, констатировав в своём обязательном постановлении от 13 января 1918 г., что «самогонка одолела деревню», направил для борьбы с нею в сельскую местность красногвардейские и «летучие» отряды (Николаев, 1967. С. 108; Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 165).

Рейды их по деревням Красноярского уезда заканчивались не только разгромом самогонных производств, но и пополнением бюджета советских органов. Отряд Гончарова сжёг обнаруженный у с. Мовчинское Вознесенской волости самогонный завод, а сход, действовавший по его указке, продал с торгов имущество его хозяина и вырученные деньги передал совету в фонд Красной гвардии. Этот же отряд в д. Жерновка Шалинской волости уничтожил три аппарата, триста ведер браги и тринадцать – самогонки. В д. Большой Балчуг на сходе, созванном «летучим» отрядом, было решено взыскать с самогонщиков 8,3 тыс. рублей штрафов. Местный совет и отряд оштрафовали крестьян д. Хлопуново на сумму в 12,4 тыс. рублей. В середине марта 1918 г. в Красноярский уездный исполком от красногвардейских дружин Покровской и Шерчкульской волостей, которые вели активную борьбу с самогонварением, поступили 3 тыс. рублей, изъятых в качестве штрафов. К 27 марта крестьянский совет Заледеевской волости передал ему 260 тыс. рублей, взысканных с самогонщиков (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 165–174; Октябрь в Сибири, 1987. С. 268, 276).

Еще одной мерой, предпринятой Советской властью в условиях денежного дефицита и должной способствовать сокращению самогонварения, могла стать открытая продажа накопленных запасов казенной водки. На трех заводах Минусинского уезда скопилось 75 тыс. ведер спирта или 178 – водки, торговля которой обещала выручку в 15 млн рублей. Продовольственный отдел совдепа разработал проект о продаже винного спирта и представил его на утверждение пленума. Но минусинских большевиков в этом вопросе обогнал Ачинский совдеп, который всю торговал водкой (Знамя труда. 1918. 25 марта).

Иногда крестьянство пыталось бороться с самогонварением собственными силами. Например, крестьяне д. Данилово Пинчугской волости с целью помочь голодающему населению избрали своеобразную меру: они постановили сохранить собственные хлебные запасы и для этого не пить, обнаруженное вино уничтожать, а самогонщиков штрафовать в пользу общества.

Минусинский крестьянский съезд решил карать лиц, занимавшихся выгонкой, штрафами, принудительными работами и заключением в тюрьму, общества же, не желавшие бороться с этим занятием, привлекать к судебной ответственности.

В борьбе с винокурением её организаторы прибегали к помощи женщин, страдавших от пьянства мужей, предоставляли самогонщикам трёхдневный срок для добровольной сдачи аппаратов. Но такие меры в отдалённых от губернского центра селениях не были эффективными. Минусинский уездный исполком, признав невозможность борьбы с самогоноварением путём выпуска листовок и воззваний, указал своему военному отделу создать и направить в волости «летучий» отряд. Лишь с организацией совета, Красной гвардии и народного суда спала волна пьянства и преступности в Ужуре. В Заледеевской волости для борьбы с пьянством по деревням началось создание отрядов Красной гвардии.

Но часто деятельность отрядов в деревнях вызывала недовольство крестьян. Она принимала карательную окраску и заканчивалась сомнительным результатом. Так, в одной из деревень Сухобузимской волости представители власти при изъятии шести обнаруженных аппаратов встретили вооружённое сопротивление жителей. Вызванный из Красноярска отряд Красной гвардии заставил крестьян разбежаться и обложил волость контрибуцией в 13 тыс. рублей. В деревнях Больше-Муртинской волости Красноярского уезда самогонку гнали всем обществом, в открытую, по постановлениям сходов. Прибывшие из Красноярска красногвардейцы, не решившись вступить в борьбу с вооружённым и грозившим расправиться населением, ретировались. Действовавший здесь в начале мая 1918 г. и разгромивший множество общественных и индивидуальных заводов, кавалерийский отряд, изъяв у крестьян штрафы на сумму в 7 тыс. рублей, намеревался вернуться в губернский центр. Ночью толпа в 500–600 крестьян, съехавшихся на пасхальную заутреню, подступила к бойцам, желая проучить их за уничтоженную самогонку. С трудом, лишь пригрозив применением бомб, отряд отступил, но затем, дождав-

шись отъезда крестьян, осуществил налёт на село, где им были разбиты заводы и оштрафованы жители. Но и этому отряду, как признавался его начальник, «также не пришлось заглянуть в царство самогонки». В Енисейском уезде такой же командир был вынужден констатировать: «За последнее время деревня превратилась в сплошные самогонные заводы. Самогонку гонят почти открыто, а некоторые селения дошли до того, что составляют приговоры для беспрепятственной выгонки самогонки».

Отряды по борьбе с самогоноварением прошли все сёла и деревни Канского уезда. Но, по мнению председателя уездного совета Н.И. Коростелёва, их рейды, как и меры нравственного воздействия, не дали положительных результатов: самогоноварение стало распространяться ещё сильнее. В с. Малокамалинское, где милиция приступила к обнаружению и уничтожению аппаратов и аресту самогонщиков, они ударили в набат. Собравшееся население всё же позволило милиционерам разбить 30 аппаратов, разлить самогонку и задержать девять её производителей, но просило их простить. В Минусинском уезде цена на хлеб в мае 1918 г. значительно выросла, что заставило уездный исполком принять решение об изъятии хлеба у самогонщиков в счёт штрафных санкций (Красноярский рабочий. 1918. 28 мая).

Следовательно, борьба, затеянная Советской властью с крестьянским винокурением, к моменту её падения была далека от победного завершения. А кое-где самогоноварение даже выросло и стало крайне расточительным. К примеру, со времени запрета продажи «казенки» в д. Верхняя и Нижняя Буланка Минусинского уезда крестьяне перевели на выгонку самогона не менее 1 млн пудов хлеба. Пьянство, случилось, заканчивалось смертью участников: в мае 1918 г. в с. Тигрицком находившийся в гостях и подвыпивший крестьянин Ф. Емельянов хозяевами был избит до смерти (Труд. 1918. 19, 23 июля).

Противоречивым было отношение к потреблению спиртного населением у антибольшевистской власти. Западно-Сибирский комиссариат не решился отменить запрет на продажу спиртных напит-

ков. Но Временное Сибирское правительство, решив таким путём пополнить казну и привлечь население к уплате налогов, 10 мая 1918 г. разрешило возобновить продажу казённой водки. Местные же власти, установив систему дозированного потребления спиртного, превратили его покупку в сущие муки для населения. На селе, по справедливому замечанию одного из исследователей, лишь сход мог решить вопрос: «пить или не пить» казённую. В случае положительного решения требовалось собрать деньги, посуду и снарядить в город гонца (Рынков, 2002. С. 50).

Неудивительно, что крестьяне предпочитали более простые варианты решения этого вопроса. Например, со свержением власти большевиков самогонование увеличилось в с. Батени Минусинского уезда: если ранее самогонку гнали только бывший уголовник и председатель местного совдепа, то теперь крестьяне, решив, что новые власти преследовать за винокурение не будут, этим стали заниматься в каждом дворе. В результате во время съездного праздника в д. Большая и Малая Иня, в с. Шалаболино

пьяные наблюдались не только среди взрослых, но и детей. В селениях Кочергинской и Имисской волостей самогон продавался среди белого дня на улице, и крестьяне пили его даже в будни (Труд. 1918. 17, 19 июля).

Отношение крестьян и местного самоуправления в лице сельских сходов к самогоноварению было «сложным». Против него часто выступали женщины и старики, порой соседи под влиянием стремления свести личные счёты или получить денежное вознаграждение выдавали властям любителей горячительного, а сходы нередко голосовали за прекращение покупки спиртного и запрет перегонки зерна. Так, в д. Быстрой Минусинского уезда по инициативе председателя комитета Брюханова население решило запретить курение самогона, а его производителей принудительно выселять (Труд. 1918. 14 августа).

Но в реальной жизни значительная часть крестьян, также поддерживаемая сходами, считала самогонование делом вполне возможным и в некоторых случаях даже конфликтовала с властью, доходя до



Рис. 1. Семейный самогонный завод
Fig. 1. Family moonshine factory

убийства её представителей. Например, в Канском уезде ещё летом 1918 г. тасеевские самогонщики под видом политической акции расправились с досаждавшими им судьёй Ф.Н. Халчевским и большевиком В.А. Двоглазовым (Яковенко, 1988, С. 33, 35). 18 июля милиция вблизи г. Минусинска задержала двух крестьян, доставлявших самогон его жителям. Самогонщики начали отстреливаться и сдались только после рукопашной. После того как милиция в д. Верхнебродовой Красноярского уезда арестовала шайку подобных же лиц во главе с уголовником Саломатовым, державшим в страхе окрестные деревни, к каталажной камере собрались их товарищи, потребовавшие освобождения задержанных. Но сторож вызвал милицию, которая разогнала самогонщиков (Труд. 1918. 15, 17 августа).

Случалось, что самогонование приводило к крупным трагедиям. По одной из версий, от установки самогонного завода в августе 1918 г. выгорело более чем наполовину с. Белоярское, трое обвиняемых в поджоге были забиты до смерти, а еще двое – спаслись бегством (Труд. 1918. 21 августа).

Беспробудным пьянством и хулиганством деревня отметила призыв родившихся в 1898–1899 годах в Сибирскую армию. В селениях под Красноярском – в Базаихе и Торгашино – трехдневное гулянье сопровождалось драками и битьем стекол. В той же «трезвой» д. Быстрой в ночь на 22 сентября крестьяне Т. Комжин и Ф. Филиппов напились так, что затеяли драку со смертельным исходом для одного из них (Воля Сибири. 1918. 27 августа; Труд. 1918. 29 сентября).

Взросшие масштабы самогонования вызвали ответные репрессии властей. Командированный в августе 1918 г. на рудники «Улень» и «Юлия» отряд обнаружил и уничтожил самогонные заводы в улусе Усть-Биджа и у ст. Сон. Но самым крупным производством оказался завод у одного из местных озер. При его ликвидации были вылиты до 100 ведер браги (Труд. 1918. 22 августа). На 26 октября отряд начальника уездной милиции Р.И. Зефирова, совершавший рейд по Минусинскому уезду

с целью выявления дезертиров и изъятия налогов, в с. Верхний Суэтух Ермаковской волости уничтожил 48 самогонных аппаратов, 99 ларей вместимостью на 13 тыс. ведер. С приближением его самогонщики разбегались. Действуя по уезду, милиция за сентябрь 1918 г. задержала 139 и за октябрь – 59 пьяных (Труд. 1918. 26 октября).

Однако имели место случаи, когда действия милиции заканчивались для неё плачевно. К примеру, 5 ноября крестьяне одной из деревень Устьянской волости Канского уезда избили и разоружили милиционера А.Тупицына, обнаружившего и оформлявшего документы к изъятию самогонного аппарата (Звягин, 2000. С. 112). Вопреки утверждениям советской историографии о политической обусловленности Минусинского крестьянского восстания, оно началось с инцидента в с. Дубенское Тигрицкой волости, в основе которого лежало, по свидетельству некоторых авторов (Эльцин, 1926. С. 26; Рынков, 2002, С. 52), крестьянское возмущение уничтожением властями общественного винокуренного завода.

Буквально воинскую операцию пришлось проводить милиционерам 18 ноября при обнаружении большого самогонного завода за д. Кузнецово Вознесенской волости. Обнаружив их приближение, часовой начал стрелять. В перестрелке пятеро самогонщиков были убиты, а на месте обнаружили 520 ведер браги, котел на 50 ведер, пять мешков муки, лошади и две винтовки (Свободная Сибирь. 1918. 13 декабря).

Для борьбы с большевиками белым необходимы были денежные средства, поэтому Совет Министров 28 декабря 1918 г. принял проект постановления об отмене «сухого» закона, а 10 января 1919 г. он был утверждён Верховным правителем. Восстановление государственной винной монополии способствовало росту доходов Российского правительства А.В. Колчака. Но «казёнка» вследствие неудовлетворительной организации её продажи стала предметом спекуляции. К примеру, в Минусинске свободную продажу водки вводили медленно. Зато охотников получить её по карточкам было много: 20 декабря хвост жаждущих

тянулся от казенного винного склада чуть ли не до базара. Одновременно в городе появилась и самогонка (Труд. 1919. 4 января).

К тому же введение монополии не способствовало прекращению деревенского самогонварения. На селе предпочитали пить «горькую» собственного приготовления, т. к. себестоимость первача в шесть раз была ниже казённой водки. Из-за дороговизны «казёнки» цена самогона стала повышаться, а подпольная торговля им процветать. По деревням без конца ходили «спиртоносы», скупавшие самогонку и затем перепродававшие её городскому и рудничному населению.

Очевидец отмечал, что «свободы разложили деревню; в особенности новоселов. Взаимная вражда, ненависть, самогонка, огрубение – общее явление. До революции все жили как люди, теперь одни другому хуже зверя». В д. Каменка поселившиеся полтавчане жили зажиточно, т. к. поголовно занимались самогонварением. Хлебом, что переводили в Ярульской волости Канского уезда за зиму на самогон, можно было, согласно его наблюдению, год кормить население всего уезда. Мужики, потехи ради, поили самогоном не только подростков, но и грудничков. Все самогонщики, по мнению этого автора, являлись «большевиками», ожидавшими своего «правительства» (Свободная Сибирь. 1919. 12 января).

Однако выгонка самогона требовала денежных вливаний и зерновых затрат, которые в условиях Гражданской войны возросли ещё больше. Только в одной Кежемской волости Енисейского уезда с осени 1918 г. и до февраля 1919 г. действовали 50 самогонных аппаратов, переработавших около 500 пудов зерна, что повлекло за собой повышение цен на хлеб (Звягин, 2000. С. 113). Самогонварение не только сократило поступления в казну от продажи казённой водки, составлявшие основную часть бюджета Белой Сибири, но и привело к росту спроса на зерно и дополнительным трудностям при хлебозаготовках.

Существовавшие ранее мнения авторов о будто бы имевшем место поощрении белыми властями, меньшевиками и эсерами крестьянского самогонварения не под-

тверждаются фактическим материалом. Напротив, после восстановления винной монополии власти усилили преследование за тайное винокурение. В ситуации, когда в казне отсутствовали денежные средства, необходимые для содержания армии и установления правопорядка, енисейские крестьяне, получив осенью 1918 г. обильный урожай, пустили хлебный запас на выгонку самогона. Поэтому губернский комиссар 28 декабря 1918 г., напомнив уездным земским управам, комиссарам и начальникам милиции о том, что для воздействия на население имеются воинские силы, предложил им провести собрание земцев для выработки мер по борьбе с самогонварением и изысканию денежных повинностей (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8. Л. 41).

Обычным явлением стали совместные рейды по деревням милиции и казаков, которые подвергали виновных или заподозренных в производстве и продаже самогона порке. Самогонщиков карали и отряды правительственных войск, действовавшие при подавлении крестьянского повстанчества. Например, отряд Беляковича 28 февраля 1919 г. вошёл в Тайшет, где за обнаруженную самогонку подверг порке женщину, а также лиц, появившихся на улице в пьяном виде (Партизанское движение, 1925. С. 200).

Естественно, что уличённые в изготовлении и потреблении запретного зелья после расправы находили прибежище в партизанских отрядах. Согласно утверждению одного из историков (Рынков, 2002. С. 52), уничтожение белыми самогонных аппаратов и запасов изготовленного спиртного вызывало куда более негативную реакцию крестьян, чем взимание налогов, штрафов и обвинение в политической неблагонадёжности, и помогло большевикам в борьбе за власть в колчаковском тылу.

Непременным спутником антиправительственной деятельности крестьянских повстанцев являлось пьянство. Вспоминая о причинах трёхдневной задержки весеннего 1919 г. партизанского наступления, бывший председатель Объединённого совета Степно-Баджейского партизанского района П.П. Петров рассказывал о «кияйской свадьбе», попойке, организованной

штабными для главкома и вызванной с фронта «мадам» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 5. Д. 531. Л. 27–28). Но и сами перовские партизаны не были трезвенниками: выбив белых из д. Новониколаевки Канского уезда, они тут же начали отмечать это событие выпивкой (Петров, 1935. С. 144).

В условиях тяжёлого перехода в Минусинский уезд партизаны были вынуждены отказаться от потребления спиртного. По распоряжению председателя Армейского совета С.К. Сургуладзе двигавшиеся в авангарде бойцы Тальского полка громили в сёлах винные лавки. Но с занятием станции Каратуз манские и североачинские партизаны все же перепились и начали грабёж оставленного казаками имущества. Командование было вынуждено перевести мародёрствовавшие части на постой в с. Моторское. По одной из версий, разгульное поведение партизан в Каратузе заставило их вождей отказаться от немедленного наступления на Минусинск.

Пьянству партизаны предавались и находясь в с. Курагино и Имис. В первый же день пребывания они уничтожили винные запасы «монополек», а затем начали мародёрствовать и расстреливать лиц, заподозренных в симпатиях к белым (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 641. Л. 30; Rogozin, 1926. С. 122; Годы огневые, 1962. С. 192; Попов, 1974. С. 110).

Действовавшая в окрестностях с. Перово Канского уезда «банда» партизан во главе с Н. Скавидо, заняв в ноябре 1919 г. этот населённый пункт, отметила событие «ужасным» пьянством и ночной стрельбой (Соха и молот. 1919. 23 ноября).

Порой неумеренное потребление горячительного имело для партизан отрицательные последствия или заканчивалось трагически. Несмотря на то, что штаб Северо-Канского фронта в конце марта 1919 г. был вынужден отдать приказ о полном прекращении под страхом смерти самогеноварения, пьянство продолжало процветать в Апанском отряде. По этой причине его члены во время майского 1919 г. наступления белых растеряли друг друга, а кавалеристы оторвались от пехоты. Командование итальянцев, отряд которых в начале июня 1919 г. занял с. Кияй, свою лёгкую победу

объясняло тем, что «большевики были поголовно пьяны». Из-за потребления спиртного и внутренних распрей распался отряд, организованный в д. Тисуль Ачинского уезда (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 297. Л. 47ж; Партизанское движение, 1925. С. 178; Яковенко, 1988. С. 36, 139). Манский полк, будучи в с. Ермаковское Минусинского уезда, подвергся внезапному нападению бологовцев, а часть партизан во главе с П.Е. Щетинкиным оказалась отрезанной от своих основных сил потому, что, согласно одной из версий, его командир Ф.Г. Боган устроил гулянку и не выполнил приказ о выступлении (Замураев, 1970, С. 165; Попов, 1974. С. 116). В конце 1919 г. находившийся на пасеке отряд Лубкова перепился и проспал нападение белых (ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692. Л. 33).

Случалось, что алкоголь облегчал крестьянам принятие решений о начале антиправительственного выступления. Посетивший восставшую Мокрушинскую волость (Канский уезд) В.Г. Яковенко потом писал об анархии, царившей здесь, так: «В каждой деревне по улицам таскаются вооружённые дробовиками пьяные, все шумят» (Яковенко, 1988. С. 55). В подпитии принимались партизанскими вожаками и судьбоносные решения. Состоявшийся после победы повстанцев в Белоцарском бою V Армейский съезд, выслушав мнения Кравченко и Щетинкина, не смог решить вопрос о направлении будущего похода. Но на второй день (20 августа 1919 г.), согласно воспоминаниям участников, перед ними «в обнимку и навеселе» предстали оба вождя и заявили, что армия пойдёт на Минусинск (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270 а. Л. 89).

Первыми вошедшие в город кавалеристы Тальского полка, которым сообщили об якобы отравленном спирте, подвергли винный склад разгрому. Но пьянство партизан в Минусинске, где белыми были оставлены огромные запасы спиртного, произведённого местными заводами, достигло гомерических размеров. С целью прекратить начавшуюся вакханалию партизанское командование выпустило воззвание, в котором пыталось устыдить страстных любителей горячительного: «Взгляните, что кругом происходит! Толпы пьяных товарищей солдат

осаждают винный склад, требуя водки, и только одной водки, забывая свой священный долг как борца за свободу и счастье трудового народа, которому он принадлежит...». Пытаясь навести порядок в потреблении алкоголя, Армейский совет и Главный штаб 21 сентября 1919 г. разрешили выдачу спиртных напитков по бутылке на четверых партизан в сутки (Бугаев, 1993. Ч. 1. С. 234; ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642. Л. 123). Одновременно, по свидетельству одного из бывших партизан, командование решило принимать самые строгие меры к нарушителям дисциплины якобы вплоть до расстрела на месте (Попов, 1974. С. 168).

Вероятно, эта норма отпуска спиртного партизанам не всегда соблюдалась. Сами участники вспоминали, что им выдавали и по 0,5 литра водки на двоих и даже по бутылке спирта на одного человека в сутки (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717. Л. 9; Рогозин, 1926, с. 198). Поэтому беспорядки, творимые партизанами на почве пьянства, выросли до таких масштабов, что 28 сентября бойцы 1-го Канского полка, несшие караульную службу в городе, пригрозили, что они прекратят патрулирование улиц, и постановили опечатать винный склад, поставить у него караул, прекратить выдачу вина «солдатам», а в дальнейшем уничтожить в Минусинске и его окрестностях все спиртные напитки (Соха и молот. 1919. 30 сентября).

Однако отношение командования к проблеме пьянства партизан не было простым и однозначным. Так, если 4 октября 1919 г. Армейский совет, Главный штаб, командиры частей и представители полковых советов постановили выдачу водки прекратить, склад опечатать и спирт отпускать лишь по просьбе врачей, то 8 октября они же решили провести учёт спиртных напитков на складах и выдавать их «солдатам» по ранее установленной норме и требованиям, подписанным комсоставами частей (Соха и молот. 1919. 7, 11 октября).

Естественно, что пьянство и безобразия партизан не прекращались. Так, в ночь на 20 октября на квартиру в Минусинске явился пьяный боец Тальского полка, который изрубил саблей вещи, потолок комна-

ты и выгнал хозяев из дома. 24 октября в Минусинск прибыл, сопровождая арестованного, партизан Иконников. «Выхлопостав документ» и получив по нему ведро водки, он напился и направился в с. Знаменское, по дороге придираясь ко всем и угрожая расстрелом. Догнав субботинских крестьян, Иконников устроил им «смотр»: заставил распрячь лошадей и разъезжать на них по полю. У крестьянки он требовал пропуск и пытался её арестовать. Задержав жителя с. Верхний Суэтух, мобилизованного в партизанскую армию, дебошир избил его и отобрал деньги. При попытке задержания ещё одного крестьянина он был арестован тальскими партизанами (Соха и молот. 1919. 24, 30 октября).

20 ноября 1919 г. Армейский совет в очередной раз указал прекратить выдачу спиртного. Но данное решение было обусловлено не столько тем, что неумеренное потребление горячительного партизанами приводило к беспорядкам, сколько близким истощением его запасов (Соха и молот. 1919. 26 ноября). К этому времени партизанское командование ревниво относилось к своей роли собственника и распорядителя казённого спиртного. Так, когда Объединённый совет для пополнения местного бюджета решил продать водку и спирт Минусинского и Уджейского заводов населению, то представители Армейского совета и Главного штаба на заседании, состоявшемся 28 ноября 1919 г., а затем и сам Кравченко на IX уездном крестьянском съезде (декабрь 1919 г.), напомнив о военном положении, в резкой форме опротестовали это решение гражданской власти (ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 6. Д. 270а. Л. 160; Соха и молот. 1919. 21 декабря).

Покидая Минусинск, партизаны увезли с собой, якобы для нужд Красной армии, шесть-семь бочек спирта. Убедившись, что красноармейцы были обеспечены спиртом в избытке, партизанские снабженцы вернули его в Минусинск. Но одной бочки так и не досчитались (ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717. Л. 17).

Оставшиеся в Минусинске тыловые части продолжали снабжаться спиртным вплоть до первых чисел февраля 1920 г. В результате местная жизнь была по-



Рис. 2. Винокурение у хакасов
Fig. 2. Moonshining in Khakases

прежнему насыщена безобразиями. Так, 15 января на Соборной площади один из бойцов, будучи пьяным и изображая из себя командира, выкрикивал команды. Приехав в д. Оя Шушенской волости, партизаны попали на свадьбу, а, напившись и разъезжая по улице, устроили стрельбу. 4 февраля «загулял» и был арестован командир батальона Тальского полка Лаптев, скачущий на лошади по городским улицам с криками: «Порублю! Застрелю!». В тот же день командование полка организовало митинг бойцов, на котором они дали обязательство прекратить пьянство (Соха и молот. 1920. 25 января, 8 февраля).

Однако и подвергнутые демобилизации партизаны не сразу вернулись к обычному деревенскому существованию. Привычка жить в экстремальной обстановке и неудовлетворённость своим положением выливались в пьяные и бессмысленные поступки. Бесчинства пьяных партизан были отмечены, к примеру, в Ново-Никольской волости Канского уезда. В больнице с. Шало один из них, напившись, разбил большой флакон дефицитного йода. 22 февраля

1920 г. в пьяной возне командир эскадрона Анциферов сломал руку своему сослуживцу. В начале марта подобные бесчинства имели место в ряде деревень Ачинского уезда. Например, в д. Петровка пьяный партизан счёл возможным открыть стрельбу в чужой избе, а другой – оскорбил местного начальника милиции (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 9, 17).

Пришедшие к власти большевики также не отличались высокой нравственностью и сдержанностью в потреблении спиртного. Один из жителей Красноярск в июльском 1920 г. письме самарскому приятелю характеризовал положение в городе и нравы новых «властителей» так: «Прежнему комиссары пьянствуют, спекулянты спекулируют, а коммунисты живут барами: спят на пуховых перинах, в квартирах ковры, хрусталь и другие предметы роскоши. Это типы новой советской буржуазии» (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24). Среди лиц, отнесённых автором письма к данной категории, был назван и А.И. Окулов, человек известный как свои-

ми заслугами перед Советской властью, так и конфликтами на почве пьянства.

29 сентября 1920 г. члены президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) на экстренном заседании осудили пьянство и грубую выходку Окулова по отношению к бывшему партизанскому главкому Кравченко. 3 октября партийный суд вынес ему строгий выговор (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 116). Но он вскоре оказался инициатором новой конфликтной ситуации. Отозванный Сиббюро ЦК РКП(б) с работы в Красноярске, Окулов 28 октября организовал прощальный ужин с танцами, цветами и выступлением капеллы политуправления, названный очевидцами «белогвардейским». Рассмотрев вопрос о «попойке» в штабе и оскорблении Окуловым товарища, партийная власть лишила его права в течение трёх лет занимать ответственные должности (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 117; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2229. Л. 68; Оп. 2. Д. 436. Л. 2–11).

Не менее подверженными пьянству оказывались и другие военные. Как правило, меры, которые предпринимали местные работники, чтобы ограничить их поведение, часто оказывались напрасными и выливались в конфликт между ветвями власти. Так, минусинские органы по постановлению Енисейского губернского комитета РКП(б) от 21 июля 1921 г. арестовали пьяную компанию высокопоставленных военных – комбрига Овчинникова, начштаба Кузнецова и бывшего городского коменданта Жарова. Но с поступлением жалобы от командования и после разбора данного дела в Сиббюро губернные коммунисты 23 августа указали минусинским товарищам на излишнюю придирчивость к поведению данных лиц (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 27, 29; Д. 113. Л. 93). Когда же на новогоднем маскараде в минусинском театре начальником уголовного розыска и уполномоченным ГПУ был обезоружен и арестован пьяный и дебоширивший комендант гарнизона, то военное начальство, угрожая применением вооруженной силы, добилось освобождения «оскорблённого красного героя». Состоявшееся 10 февраля 1923 г. закрытое заседание Минусинского уездного комитета РКП(б) постановило

считать задержание правильным, но предложило участникам конфликта наладить «товарищеские отношения» (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 276. Л. 68–69).

Не отставали от военных в поклонении Бахусу и сотрудники правоохранительных органов. Так, за пьянство и злоупотребления служебным положением президиум губернского комитета РКП(б) 24 июля 1923 г. исключил из партии коммуниста с 1920 г. и начальника минусинского Дома лишения свободы Г.С. Керина, а коммуниста с 1918 г. и бывшего начальника этого же заведения В.П. Усова наказал выговором с занесением в личное дело и снятием на два года с руководящей работы (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441. Л. 98). В январе 1925 г. группа агентов уголовного розыска и милиционеров, напившись, явилась в канский театр, где, угрожая арестами присутствовавшим, устроила дебош. Некоторые из них за кулисами приставали к приезжей балерине и избили её мужа (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 48). 14 мая 1928 г. начальник Ермаковского районного административного отдела Арбузов пьянствовал в Минусинске и, катаясь на казённых лошадях, разбился. Его подчинённый Домарев, будучи в нетрезвом состоянии, 8 июля стрелял в возчика, остановившегося у его дома. Меры по этому случаю не были приняты, и Домарев в следующий раз застрелил крестьянина (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 18).

В основе неумеренного потребления спиртного коммунистами лежало не только торжество «маленького» человека, дорвавшегося до власти и глумившегося над окружающими, но и смятение некоторых из них, в вине глушивших свой страх, растерянность и совесть. Масштабы пьянства таких лиц в деревне были значительными.

Как докладывал в 1922 г. в ЦК партии о результатах обследования Енисейской губернской партийной организации его ответственный инструктор П.И. Струппе, пьянством занимались не только жители, но и члены партии, особенно в уездах (Павлюченков, 1997. С. 137). Массовое пьянство отмечалось в январе 1923 г. в Канском уезде: самогонные аппараты имели даже ответственные работники-

коммунисты, а представители власти, командированные на места для борьбы с самогонварением, сами начинали пьянствовать (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 685. Л. 13). При проверке состояния и деятельности органов Советской власти в инородческих волостях, осуществленной в июле – августе 1923 г., обнаружилось, что председатели Аскизского и Синявинского волостных исполкомов увлекались выпивкой, а самоохрана разъезжала по улусам и занималась пьянством (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 343. Л. 464). На Рождество 1925 г. председатель Корниловского сельсовета, напившись, разгуливал по селу, облачившись в женскую одежду. В с. Тильково такое же должностное лицо, будучи пьяным, проиграло денежные средства, собранные с населения в качестве налога (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 143. Л. 31).

Безобразиями отличались работники районного масштаба. Согласно доносу от 26 мая 1927 г., секретарь Тюхтетского райкома партии (Ачинский округ) Трушель создал целый гарем из прислуги и пьяный разгуливал по улицам райцентра в окруже-

нии девиц лёгкого поведения. На Пасху он устроил с парнями кулачный бой, а затем со сторожиками в избе-читальне – попойку. Начальник милиции не мог унять пьяного председателя райисполкома Биткова, который в одной рубашке с наганом носился по улицам, крича: «В бога мать, пристрелю!» (ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327. Л. 28).

Такие руководители использовали командировки в деревню не только в деловых целях. 11 ноября 1923 г. на открытие ярмарки в с. Большая Мурта приехали заместитель председателя Красноярского уездного исполкома Просвирлин, член уездного комитета партии Назаров. Вечером они, пригласив председателя волисполкома и местных милиционеров к председателю сельсовета и известному самогонщику, устроили пьянку, возмущившую крестьян. В д. Таловку 19 августа 1927 г. приехал сотрудник Ачинского райисполкома, коммунист Н.М. Чуваков. Напившись самогона, он гулял в компании по улицам с гармошкой, стрелял из револьвера, чем вызвал недовольство жителей (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 118, 164).



Рис. 3. Облава на самогонщика, 1920-е гг.

Fig. 3. The raid on moonshiner, 1920s

Естественно, что возлияниями спиртного активно предавались и низовые коммунисты. Так, в 1926 г. проверкой было установлено наличие самогонного аппарата у секретаря Костинской коммунистической ячейки и распространение пьянства среди коммунистов Хакасского округа. В 1927 г. проверяющие обнаружили самогоноварение и пьянство в пяти ячейках Рождественского и Нижне-Ингашского районов (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 61; Д. 569. Л. 71).

Справедливости ради надо сказать, что Коммунистическая партия пыталась очистить свои ряды от подобных членов. С 1 октября 1926 г. по 1 августа 1927 г. в Минусинском округе привлекли к ответственности 50 коммунистов, в т. ч. 25 – за пьянство. В партийной ячейке с. Знаменского по этой причине исключили из партии 10 человек, или половину всех членов (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 544. Л. 32). Для рассмотрения в суд было направлено дело председателя сельсовета и коммуниста, который пьяным ночью стучался в дом вдовы, требуя открыть двери от имени власти. Войдя, он начал издеваться над беспомощной женщиной. 30 мая 1928 г. был исключён из партии кандидат ВКП(б) и председатель сельсовета д. Средняя Шушь, который гнал самогонку и избил беременную жену, разрешившуюся мёртвым ребёнком. В первомайские дни 1928 г. в Каратузском районе члены райисполкома, судья и секретари партийных ячеек, перепившись, устроили дебош и драку со стрельбой. По этому слу-

чаю был снят с работы председатель райисполкома, а прочим объявлен строгий выговор.

Но вскоре из партии стали вычищать совсем других лиц, а коммунисты, зависимые от алкоголя, случалось, становились руководителями создаваемых колхозов. 20 октября 1930 г. в краевой партийный орган поступило письмо члена сельхозартели «Путь Ленина» (с. Преображенское Идринского района), информировавшего о том, что колхозники взволнованы поведением своего руководства. В разгар хлебоуборочных работ оно по случаю отъезда товарища на учёбу в Новосибирский техникум организовало попойку. Партийная же ячейка ограничилась объявлением выговора её участникам-коммунистам (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 2, 8).

Напротив, для части сельских активистов было характерно стремление выполнить заготовительные задания любой ценой и даже с использованием спиртного. Так, член сельсовета Т. Васильева настаивала на том, чтобы крестьяне сдавали государству всё молоко, «до капли», а детей поили бы брагой. Она ходила по домам и следила, чтобы жители не оставляли этот продукт для семейного потребления. Беднота при этом вспоминала 1920 г., когда детей также заставляли пить брагу (ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 60. Л. 19).

Статья поступила 01.07.2016 г.

Article received 01.07.2016 г.

Библиографический список

Бугаев Д.А. На службе милицейской. Красноярск, 1993. Кн. 1. Ч. 1.

Валиев Г.Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

Воля Сибири. 1918.

Годы огневые. Красноярск, 1962.

Голос народа. 1917.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 82.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.

ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441.

ГАКК. Ф. 42. Оп. 5. Д. 531.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 143.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 343.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143.

ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 685.

ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327.

ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 544.

ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 641.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642.

ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2229.

ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83.

ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 276.

ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 436.

ГАО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21.

ГАО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 569.

ГАО. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 60.

ГАО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297.

ГАО. Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270 а.

Замураев Я.С. Енисейские партизаны. Воспоминания участника партизанской армии П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. Новосибирск, 1970.

Звягин С.П. Сибирское земство и самогонование в 1918–1919 гг. // История крестьянства в России. Материалы XVI Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000.

Знамя труда. 1918.

Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Петроград: Былое, 1923.

Красноярский рабочий. 1918.

Красноярский рабочий. 2003.

Крестьянское движение в 1917 году. М.- Л., 1927.

Кузнецов А.И. «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

Кузнецов Д.Е. Борьба милиции Западной Сибири с самогонованием в 1925–1934 гг. // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 1 (50).

Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.

Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Материалы 5-й

Междунар. науч. конф. 4–5 февраля 2003 года, Кемерово. Кемерово, 2003.

Николаев П.Ф. Советская милиция в Сибири (1917–1922). Омск, 1967.

Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 1987.

Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Павлюченков С.А. Ильич в запое. О производстве и потреблении самогона в послереволюционные годы // Родина. 1997. № 11.

Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Л., 1925. Т. I.

Петров П. Перовские партизаны (начало движения) // Сибирские огни. 1935. Кн. 1.

Попов Г.Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974.

Рогозин. Партизаны Степного Баджея. М., 1926.

Рынков В. Водка казённая, самогон домашний // Родина. 2002. № 6.

Свободная Сибирь. 1918.

Свободная Сибирь. 1919.

Соха и молот. 1919.

Соха и молот. 1920.

Труд. 1916.

Труд. 1918.

Труд. 1919.

Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самогонования (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 3: Гуманитарные науки.

Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49).

Яковенко В.Г. Записки партизана. Красноярск, 1988.

References

Banner of labor. 1918. (In Russian)
Bugaev D.A. *Na sluzbe militseiskoi* [Doing the militia service]. Krasnoyarsk, 1993. Book 1, vol. 1.

El'tsin V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v period Kolchaka* [The Peasant movement in Siberia in the period of Kolchak]. *Proletar-*

skaya revolyutsiya [The proletarian revolution], 1926. No. 2 (49). (In Russian)

Free Siberia. 1918. (In Russian)

Free Siberia. 1919. (In Russian)

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 105. (In Russian)

- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 113. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 263. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 441. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 42. Op. 5. D. 531. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 59. Op. 1. D. 327. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 544. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 614. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 1. D. 692. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 641. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 642. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 717. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 8. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 143. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 343. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 143. (In Russian)
- GAKK* [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 685. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. 5 a. Op. 1. D. 297. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. 5 a. Op. 6. D. 270. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 276. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 436. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 83. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 21. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 569. (In Russian)
- GANO* [SANR]. F. P.-3. Op. 3. D. 60. (In Russian)
- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK)* [State archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK)]. F. 1. Op. 1. D. 82. (In Russian)
- Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANR)]. F. P.-1. Op. 1. D. 2229. (In Russian)
- Kolosov E.E. *Sibir' pri Kolchake. Vospominaniya. Materialy. Dokumenty* [Siberia under Kolchak. Memories. Materials. Documents]. Ptgr., 1923. (In Russian)
- Krasnoyarsk worker. 1918. (In Russian)
- Krasnoyarsk worker. 2003. (In Russian)
- Kuznetsov A.I. "Alkogol'nyi vopros" v sibirskoi derevne 1920-kh gg.: dis. ... kand. ist. nauk. "Alcohol question" in the Siberian village of the 1920s: candidate's thesis of historical Sciences. Novosibirsk, 2005. (In Russian)
- Kuznetsov D.E. *Bor'ba militsii Zapadnoi Sibiri s samogonovarenim v 1925–1934 gg.* [The Struggle of the police in Western Siberia brewing in 1925–1934]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. Gorno-Altaysk, 2015.No. 1 (50). (In Russian)
- Litvak K.B. *Samogonovarenie i potrebleniye alkogolya v rossiiskoi derevne 1920-kh godov* [Moonshining and alcohol consumption in the Russian village of the 1920-ies]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1992. No. 4. (In Russian)
- Lukov E.V. *K voprosu ob otmene «sukhogo zakona» na territorii Beloi Sibiri* [To the question on cancellation "the dry law" on the territory of White Siberia]. *Istoriya Beloi Sibiri. Materialy 5-i Mezhdunar. nauch. konf., 4–5 fevralya 2003 goda, Kemerovo* [History of White Siberia. Materials 5-th Intern. scientific. Conf. 4–5 Feb. 2003, Kemerovo]. Kemerovo, 2003. (In Russian)
- Nikolaev P.F. *Sovetskaya militsiya v Sibiri (1917–1922)* [The Soviet police in Siberia (1917–1922)]. Omsk, 1967. (In Russian)
- Oktyabr' v Sibiri. Khronikasobyti (mart 1917 – mai 1918 g.)* [October in Siberia. Chronicle of events (March 1917 – November 1918)]. Novosibirsk, 1987. (In Russian)
- Partizanskoe dvizhenie v Sibiri. Prieniseiskii krai* [The guerrilla movement in Siberia. Yenisei region]. Leningrad, 1925. Vol. 1. (In Russian)
- Pavlyuchenkov S.A. *Il'ich v zapoe. O proizvodstve i potreblenii samogona v poslerevolutsionnye gody* [Ilyich drunk. On the

production and consumption of moonshine in the years after the revolution]. *Rodina* [Homeland], 1997. No. 11. (In Russian)

Pavlyuchenkov S.A. *Veseliye Rusi: revolyutsiya i samogon* [Jolly Rus: revolution and the moonshine]. *Revolutsiya i chelovek. Byt, nravery, povedeniye, moral'* [The revolution and the people. Life, customs, behavior, morals]. Moscow, 1997. (In Russian)

Petrov P. *Perovskie partizany (nachalo dvizheniya)* [Perov's partisans (initiation of motion)]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 1935. Book 1. (In Russian)

Plow and hammer. 1919. (In Russian)

Plow and hammer. 1920. (In Russian)

Popov G.N. *Partizany Zaman'ya* [The Guerrillas Zaman'ya]. Krasnoyarsk, 1974. (In Russian)

Rogozin. *Partizany Stepnogo Badzheya* [Partisans OfThe Steppe Badgea]. Moscow, 1926. (In Russian)

Rynkov V. *Vodka kazennaya, samogon domashnii* [Treasury Vodka, moonshine home]. *Rodina* [Homeland], 2002. No. 6. (In Russian)

Sheksheev A.P. *Vlast' i eniseiskoe krest'yanstvo: otnosheniya na pochve samogonovareniya (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Power of the Yenisei and the peasantry: the relations on the basis of brewing (1917 – the beginning of 1930-ies)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Bulletin of Krasnoyarsk state University], 2006. No. 3. Humanities. (In Russian)

The peasant movement in 1917. Moscow-Leningrad, 1927. (In Russian)

The voice of the people. 1917. (In Russian)

Valiev G.H. Social anomalies in the daily life of the population of Siberia in the 1920-ies: candidate's thesis of historical Sciences. Novosibirsk, 2001. (In Russian)

Will Siberia. 1918. (In Russian)

Work. 1916. (In Russian)

Work. 1918. (In Russian)

Work. 1919. (In Russian)

Yakovenko V.G. *Zapiski partizana* [Notes of a partisan]. Krasnoyarsk, 1988. (In Russian)

Years of fire. Krasnoyarsk, 1962. (In Russian)

Zamuraev Ya.S. *Eniseiskie partizany. Vospominaniya uchastnika partizanskoi armii P.E. Shchetinkina i A.D. Kravchenko* [Yenisey guerrillas. Recollections of the guerrilla army E.P. Schetinkin and A.D. Kravchenko]. Novosibirsk, 1970. (In Russian)

Zvyagin S.P. *Sibirskoe zemstvo I samogonovarenie v 1918–1919 gg.* [Siberian Zemstvo and moonshine in 1918–1919]. *Istoriya krest'yanstva v Rossii. Materialy XVI Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* [The History of peasantry in Russia. The materials of the XVI All-Russian correspondence scientific conference]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization «Society Memorial», 49, 59, Shetinkina str., Abakan, Republic of Khakasia, 655017, Russia, e-mail: Turan47@yandex.ru